ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИГНАТІИ.

ВТОРАГО апрѣля 1872 года, въ гродненскомъ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ скончался преосвященный Игнатій, епископъ брестскій, бывшій двадцать одинъ годъ викаріемъ литовскаго митрополита. Іосифа Сѣмашко.

Еще мальчикомъ, ученикомъ виленскаго духовнаго училища, я много разъ видѣлъ преосвященнаго Игнатія. Втеченіе болѣе тридцати лѣтъ, вся жизнь и служба покойнаго брестскаго викарія была у насъ на виду. Въ училищахъ и семинаріи, среди учениковъ, и во всей Литовской епархіи, среди духовенства, о преосвященномъ Игнатіи, принадлежавшемъ Литовской епархіи отъ рожденія до смерти, ходило очень много разсказовъ; повторялись на множество ладовъ его фразы, выговоры, замѣчанія, разбирался его характеръ, привычки, вся его жизнь. Почти все духовенство епархіи имѣло къ нему личныя отношенія: одни изъ духовныхъ были его учениками; другіе — какъ уроженцы Гродненской губерніи; третьи — тамъ получили священническія и другія должности и много разъ видѣли его своимъ ревизоромъ. И теперь, послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ, протекшихъ надъ его могилою, память о покойномъ жива среди духовенства, и въ воспоминаніяхъ этихъ покойный святитель являлся точно живымъ человѣкомъ, какимъ видѣли и знали его множество лицъ духовнаго и свѣтскаго званій.

Епископъ Игнатій былъ уроженцемъ Гродненской губерніи; въ молодости онъ принялъ иночество, служилъ преподавателемъ и инспекторомъ бывшей Жировицкой духовной семинаріи, смотрите

лемъ духовныхъ училищъ, настоятелемъ гродненскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря, а съ 1847 года викаріемъ Литовскимъ. Это была цѣльная, аскетическая личность, всецѣло принадлежавшая церкви и посвятившая себя иночеству и родной Литовской епархіи. Присоединеніе западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 году застало его на службѣ въ семинаріи. Благоговѣйно преданный митрополиту Іосифу, онъ до смерти оставался беззавѣтнымъ слугою своего великаго благодѣтеля и его идеи—полнаго единенія Литовской епархіи съ русскою церковью, въ духѣ православія и русскихъ народныхъ началъ. Съ перенесеніемъ епархіальнаго управленія въ Вильну, со дня посвященія Игнатія въ санъ епископа, онъ, до самой смерти Іосифа Сѣмашки (23 ноября 1868 года), въ Гродненской губерніи съ ея 320 церковными приходами оставался окомъ нашего церковно-народнаго вождя и пользовался его неизмѣннымъ довѣріемъ. Подъ непосредственнымъ руководительствомъ и надзоромъ преосвященнаго Игнатія, и православное духовенство, а съ нимъ и сельское населеніе Гродненской губерніи, сбросило съ себя все польское, католическое, уніатское, что втеченіе вѣковъ было навязано лукавствомъ и насиліемъ враговъ; подъ его руководительствомъ и сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ православное духовенство съ успѣхомъ вело глухую, скрытую, но тѣмъ болѣе трудную борьбу съ враждебными ему элементами въ краѣ, и послѣ митрополита Іосифа епископу Игнатію Гродненская губернія много обязана тѣмъ, что во время событій 1863—1864 годовъ, вся сплошная масса сельскаго населенія губерніи осталась вѣрна Россіи, что нѣкоторые пастыри и простые люди погибли въ пыткахъ, не вымолвивъ слова измѣны православной церкви и русскому народу. Во все время своего викаріатства и даже въ старости, уже изнеможенный и больной, преосвященный Игнатій съ постоянною твердостію и настойчивостію и во время ежегодныхъ объѣздовъ, и у себя дома училъ и требовалъ отъ духовенства дѣятельнаго и просвѣтительнаго пастырскаго служенія, аккуратнаго и правильнаго совершенія богослуженія; преслѣдовалъ польскій языкъ въ жизни духовенства, польскіе молитвенники и уніатскіе требники, и канонники; онъ старался уничтожить все, что напоминало унію съ ея Іосафатомъ Кунцевичемъ (изображеніе этого дикаго фанатика составляло принадлежность почти каждой уніатской церкви), очистилъ церкви отъ изображеній иконъ не въ духѣ православія и всегда обнаруживалъ изумительную заботливость и энергію въ украшеніи церквей. На возстановленіе и украшеніе оставшихся отъ уніи обѣднѣвшихъ, полуразрушенныхъ сельскихъ церквей правительственнаго пособія не отпускалось; крестьяне, томившіеся въ крѣпостномъ рабствѣ, были очень бѣдны, а землевладѣльцы, за самымъ малымъ исключеніемъ, были врагами возродившагося православія. Весь трудъ обновленія церквей лежалъ на брестскомъ

епископѣ, которому нужно было имѣть самую настойчивую энергію, чтобы дѣйствовать и на администрацію, состоявшую почти изъ поляковъ, на помѣщиковъ, тоже поляковъ, на бѣдное духовенство и, наконецъ, на загнаннаго мужика, и находить средства для приведенія церквей въ приличное положеніе. Всѣ помыслы и заботы покойнаго епископа были обращены на удовлетвореніе этой вопіющей нужды. Онъ и духовенство умѣлъ заставить дружно работать на пользу своихъ церквей. Стоило только священнику словесно, или письменно, обратиться къ преосвященному съ просьбою о содѣйствіи и помощи по ремонту церкви, или иконостаса, всякая подобная просьба радовала преосвященнаго викарія, какъ свидѣтельство усердія священника. По дѣлу украшенія церквей преосвященный велъ обширную переписку съ Москвою, гдѣ пріобрѣлъ себѣ помощниковъ и друзей, въ особенности, въ извѣстномъ протоіереѣ І. Зерновѣ. При содѣйствіи послѣдняго, преосвященный выписывалъ изъ Москвы массу утвари, иконъ и цѣлыхъ иконостасовъ. Въ иное время архіерейскій домъ походилъ на контору, изъ которой вывозили церковныя принадлежности во всѣ уѣзды губерніи. Очень часто пожертвованными и церковными деньгами покрывалась только часть стоимости, а остальныя деньги, иногда сотни рублей, епископъ высылалъ изъ своихъ средствъ. Церкви: кладбищенская въ Гроднѣ, приходская на root родинѣ викарія и нѣсколько другихъ деревенскихъ, достроены и благолѣпно украшены личными средствами одного преосвященнаго Игнатія. Были случаи, когда священникъ просилъ епископа выписать храмовую икону, или заказать новыя царскія врата.

— Подождите, небоже,—отвѣчалъ старикъ-святитель:—дайте мнѣ какъ нибудь извернуться!

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, священникъ получалъ готовый иконостасъ да еще деньги на постановку его, и всегда это дѣлалось безъ всякой огласки; объ этомъ только знали: священникъ, викарій да Незримый, которому жертвенникомъ всю жизнь оставалось сердце епископа Игнатія.

Каждое лѣто покойный брестскій епископъ, по порученію митрополита, ревизовалъ церкви въ одномъ или двухъ уѣздахъ губерніи.

Во время своихъ разъѣздовъ, преосвященный не любилъ останавливаться у помѣщиковъ, а просилъ и принималъ себѣ комнату въ церковномъ домѣ. Съ самою кропотливою настойчивостію онъ вникалъ во всѣ подробности церковной жизни прихода; цѣлые дни онъ проводилъ въ церкви, бесѣдовалъ съ крестьянами, выслушивалъ ихъ просьбы. желанія, провѣрялъ знаніе ими молитвъ, разъяснялъ ихъ смыслъ, и когда и духовенство, и прихожане еле стояли на ногахъ отъ усталости, епископъ производилъ испытаніе ученикамъ церковно-приходской школы (если она существовала) и

только затѣмъ уже, повидимому бодрымъ, возвращался въ квартиру священника, раздѣлялъ скромную трапезу, дѣлалъ указанія причту, испытывалъ дьячковъ въ чтеніи и пѣніи, иногда самъ училъ ихъ пѣть и читать, часъ, два, три и, если требовали обстоятельства, поздно вечеромъ, чтобы не терять на проѣздъ дневнаго времени, отправлялся далѣе, чтобы опять съ пяти, шести часовъ утра до вечера пробыть въ другомъ приходѣ въ такомъ же цѣлодневномъ трудѣ. Многіе годы, помнится мнѣ, среди духовенства ходилъ разсказъ о томъ, какъ владыка при ревизіи одной приходской церкви такъ увлекся бесѣдою съ крестьянами, что оставался въ церкви отъ литургіи до вечера. Старикъ, мѣстный священникъ, окончательно изнемогъ. Замѣтивъ его усталость, преосвященный сказалъ:

— Ну, пора и борщу поѣсть.

— Ой, владыко святый, не поговоришь, а спиваешь, —отвѣтилъ обрадованный священникъ.

Этотъ сердечно-наивный отвѣтъ священника свидѣтельствуетъ, какъ просты и сердечны были отношенія духовенства къ преосвященному Игнатію. Среди духовенства ходило много и другихъ разсказовъ о томъ, какъ преосвященный во время своихъ ревизій усердно разсматривалъ уголки церкви и присматривался къ домашней обстановкѣ священника, чтобы видѣть, на сколько послѣдній домостроителенъ, и къ какимъ наивнымъ хитростямъ прибѣгалъ, чтобы отыскать подозрѣваемый уніатскій требникъ, узнать, получилъ ли въ домѣ священника право гражданства русскій языкъ, оставила ли матушка (время давно минувшее!) свои польскіе олтарики (молитвословы), и то угрозою и шуткою, то ласкою и совѣтомъ настойчиво требовалъ уничтоженія ихъ и всѣхъ другихъ остатковъ уніи какъ въ церкви, такъ и въ домѣ священника. О небрежности со стороны духовенства и невниманіи къ его требованіямъ и замѣчаніямъ преосвященный неопустительно доносилъ митрополиту, и много священниковъ, которымъ приходилось вино новое вливать въ мѣхи ветхіе, перебывало на послушаніи и въ Вильнѣ, при каѳедральномъ соборѣ, и въ монастыряхъ епархіи, для обученія правильному богослуженію. Если эпитимисты несли послушаніе въ Гроднѣ, преосвященный самъ настойчиво руководилъ ихъ обученіемъ.

Съ крѣпкою любовію къ православной церкви преосвященный соединялъ такую же любовь къ русскому дѣлу и къ русскому языку. Еще служа инспекторомъ литовской семинаріи, преосвященный строго преслѣдовалъ польскую рѣчь среди воспитанниковъ и былъ ревностнымъ поклонникомъ русскаго направленія: воспитанникъ и въ казенномъ общежитіи, и на частной квартирѣ, обвиненный въ полонофильствѣ, долженъ былъ въ наказаніе заучить двадцать, тридцать, а то и болѣе греческихъ словъ и идти

къ о. инспектору для отчета въ выполненіи заданной работы. Самъ преосвященный, воспитанный въ уніатско-польскихъ заведеніяхъ, свободно владѣлъ правильною русскою рѣчью; много закупалъ и читалъ русскихъ книгъ, преимущественно изъ духовной литературы; живо интересовался и любилъ бесѣдовать о литературѣ свѣтской, о русскомъ книжномъ языкѣ и, если впадалъ въ ошибку, искренно сознавалъ ее и своего незнанія не скрывалъ даже передъ нами, молодыми преподавателями духовнаго уѣзднаго училища, помѣщавшагося въ его архіерейскомъ домѣ, которые всегда имѣли къ нему доступъ, приносили ему книги свѣтской литературы и пользовались у владыки духовными журналами.

Русскіе чиновники Гродненской губерніи, не запятнавшіе своего добраго имени, во время нужды или невзгоды имѣли въ преосвященномъ самаго усерднаго защитника, готоваго помощника и печальника. Правда, довѣрчивость къ людямъ и сердечная простота преосвященнаго ставили его иногда въ самое щекотливое положеніе, когда рекомендованныя или защищаемыя имъ лица, за которыхъ онъ, какъ говорится, распинался предъ властями, оказывались нехорошими, и бѣдному ходатаю приходилось выслушивать многое... и молчать. Не одинъ разъ, по его собственному сознанію, подъ впечатлѣніемъ, повидимому, искренняго и правдиваго разсказа и жалобы на несправедливость людскую, онъ давалъ значительную матеріальную помощь и хлопоталъ за обиженныхъ, а потомъ убѣждался, что все сказанное была искусная ложь. Живо помнится мнѣ, въ какомъ скверномъ положеніи находился преосвященный, когда два русскіе чиновника, получившіе назначеніе, по его настойчивому ходатайству, были чрезъ три мѣсяца уволены за лихоимство и нетрезвость.

— Посовѣтуйте, — говорилъ огорченный преосвященный: — что сказать губернатору? Вѣдь у меня есть еще три кандидата, за которыхъ я собираюсь просить губернатора.

Что сказали другъ другу преосвященный и губернаторъ, я не знаю. Но прогнанные чиновники и послѣ увольненія ихъ довольно долго жили съ семействами въ Гроднѣ на пособіе обманутаго ими незлобливаго архіерея.

Никакія новыя вѣянія и направленія не измѣняли дѣятельности святителя, преданнаго русскому дѣлу всѣмъ честнымъ сердцемъ. Время послѣ К. П. Кауфмана долго будетъ памятно русскому православному духовенству; оно принесло много огорченій и преосвященному Игнатію. Но никакая сила земной власти не могла измѣнить его церковно-русскихъ убѣжденій и погасить въ его сердцѣ свѣточъ любви къ русскому и русскимъ. Какимъ онъ былъ въ лѣта мужества, такимъ остался и въ дряхлой старости, еле дышущій, стоявшій одною ногою въ могилѣ. Во время одного посѣщенія имъ Вильны, въ самый разгаръ мятежа, одинъ пред-

ставляющійся священникъ говорилъ о бѣдственномъ положеніи своемъ и прихода: каждый день приходили новыя вѣсти о мятежническихъ шайкахъ и ихъ неистовствахъ. Бѣдный священникъ не зналъ, какъ и гдѣ искать спасенія. Преосвященный слушалъ, молча. Потомъ какъ-то засвѣтились его прекрасные и въ старости глаза, и преосвященный съ воодушевленіемъ, какъ бы про себя, сказалъ:

— Что дѣлать? А дѣлать то, что сдѣлали Конапасевичъ, Рапацкій, Прокоповичъ и многіе другіе: умереть и тѣмъ доказать, что вы достойно носите вашу рясу!

И это было сказано такъ естественно, сердечно. Невольно хотѣлось упасть къ ногамъ святителя. Сѣверо Западной край часто былъ и является прекрасною школою терпѣнія. Умѣлъ терпѣть и покойный епископъ. По обязанности службы, русскій чиновникъ сдѣлалъ донесеніе объ открытой секретной школѣ, въ которой учили не тому, чему должна учить всякая школа. Противъ чиновника возсталъ предводитель дворянства, и заступничество магната сдѣлало то, что администраторъ имѣлъ дерзость стать въ враждебное отношеніе къ епископу Игнатію, рѣшительно заявившему свое полное сочувствіе чиновнику. Чиновникъ былъ переведенъ. Въ другой разъ, епископъ освящалъ въ селѣ церковь, а въ верстахъ двухъ, трехъ, подъ предлогомъ истребленія волковъ, сдѣлана была охота, на которую были выгнаны прихожане освящаемой церкви. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ бывало многое подобное... Не даромъ преосвященный Игнатій пользовался неограниченнымъ довѣріемъ митрополита Іосифа Сѣмашко. Зоркое око послѣдняго далеко видѣло; онъ насквозь зналъ всѣхъ окружающихъ его лицъ и что, и кому довѣрить. Самая крѣпкая нравственная связь связывала митрополита Іосифа съ его старѣйшимъ викаріемъ. И когда не стало великаго народолюбца, эта потеря имѣла роковое значеніе для епископа Игнатія: старческія его силы были потрясены окончательно, и хотя онъ еще два года служилъ и своею службою пріобрѣлъ уваженіе и наслѣдника митрополита Іосифа, архіепископа Макарія (умершаго московскимъ митрополитомъ), но это были уже послѣднія тяжкія усилія; въ 1870 году, епископъ удалился на покой и. послѣ двухъ лѣтъ страданій, въ 1872 году, скончался.

Въ молодыхъ лѣтахъ, въ монашеской келіи, рано сложился характеръ и порядокъ повседневной уединенной жизни епископа Игнатія и опредѣлились его потребности. Такимъ онъ до смерти былъ и жилъ. Внѣшнее положеніе нисколько не измѣнило ни его характера, ни его жизни. Обыкновенно трудовой день преосвященнаго начинался въ четыре или пять часовъ утра, такъ какъ преосвященный ежедневно посѣщалъ въ своей церкви всѣ службы. Пріѣзжая по временамъ въ Вильну, онъ такъ же аккуратно посѣщалъ церковь, и случалось, что брестскій викарій въ морозъ и

вьюгу стоялъ у церковныхъ дверей и ожидалъ, пока пономарь Свято-Духовскаго монастыря откроетъ церковь для служенія утрени. Помню, епископъ, возвратившись изъ Вильны, разсказывалъ со смѣхомъ, какъ пономарь наворчалъ преосвященному за его раннее вставаніе. — «А что жъ? молодому хочется поспать, а я почему-то вышелъ въ половинѣ пятаго, и сторожъ поднялъ пономаря ранѣе обыкновеннаго», — закончилъ преосвященный свой разсказъ. Все остальное время дня и до полуночи епископъ проводилъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, съ перомъ или книгою въ рукѣ. Вечеромъ, повременамъ, епископъ выходилъ въ келейную со скрипкою, собиралъ своихъ клирошанъ, и часа два, три, продолжалась церковная спѣвка подъ управленіемъ скрипки. Епископъ Игнатій былъ большой любитель и знатокъ церковныхъ древнихъ напѣвовъ и заботился о стройности пѣнія. Послѣ спѣвки шла репетиція толковаго и отчетливаго церковнаго чтенія. Епископъ велъ обширную частную и казенную переписку и, бо̀льшею частью, безъ пособія копіиста. Со двора епископъ выѣзжалъ очень рѣдко, и то или въ церковь, по дѣлу, или съ рѣдкимъ визитомъ. Вечеромъ епископъ не выѣзжалъ. Два, три раза въ годъ епископъ, по приглашенію, посѣщалъ оффиціальные обѣды. Въ архіерейскомъ домѣ, кромѣ очень рѣдкихъ утреннихъ визитовъ, никакихъ званныхъ собраній свѣтскаго общества не было. Епископъ любилъ свое духовное общество. Въ день ангела, на святки и пасху, преосвященный приглашалъ отобѣдать часть духовенства, служащихъ въ духовномъ училищѣ и двухъ-трехъ лицъ свѣтскаго общества. Изрѣдка приглашались преосвященнымъ къ столу сослуживцы преосвященнаго: соборный протоіерей, казначей монастыря и другіе. На столъ подавали тѣ же борщъ, кашу и все то же, что кушали братія и послушники. Ничего отдѣльнаго не приготовлялось. А въ постные дни преосвященный иногда довольствовался тарелкой сырой капусты, приправленной конопляннымъ масломъ, овсянымъ или гороховымъ супомъ, да двухкопѣечною селедкой. Если къ нему пріѣзжали родственники, мы обыкновенно спрашивали пріѣзжаго: — «А что за ситникомъ (хлѣбъ въ 5 коп.) послалъ, овса лошадямъ велѣлъ дать?». Эти распоряженія служили признакомъ, что старецъ задержитъ родственника до вечера. Однажды, въ день ангела преосвященнаго, одинъ видный чиновникъ прибылъ съ визитомъ, когда мы садились за скромную трапезу. Преосвященный пригласилъ прибывшаго. Послѣ обѣда мы много хохотали, когда сей господинъ, располагавшій побаловать свою прихотливую утробу стерлядкой, дорогою осетриной да икоркой, былъ разочарованъ и, уѣзжая, сказалъ намъ съ неудовольствіемъ:

— Ну, накормилъ же вашъ архіерей! Гдѣ онъ научился такому искусству портить желудки порядочныхъ людей?

Викарій брестскій никогда не имѣлъ большихъ, сравнительно,

средствъ содержанія. Штатное жалованье было обыкновенное, кажется, 1,500 рублей. Гродненскій монастырь былъ бѣденъ и не могъ предоставить многаго своему настоятелю, а оброчная статья архіерейскаго дома была очень мала. Никакихъ приношеній за совершеніе частнаго богослуженія викаріи Литовской епархіи не получаютъ: это было несогласно съ принципами митрополита Іосифа. У епископа Игнатія было много бѣдныхъ родственниковъ; нѣкоторые сироты жили у него до отдачи въ училища, или опредѣленія на мѣсто, и обученіемъ этихъ мальчиковъ занимался самъ епископъ. Еще болѣе было у епископа Игнатія бѣдныхъ церквей, которыя, какъ я сказалъ выше, были главнымъ и постояннымъ предметомъ его думъ, хлопотъ, трудовъ и расходовъ. Послѣ кончины преосвященнаго оставалось нѣсколько сотъ рублей да столько же было роздано людямъ. Остальное имущество составляли книги и кой-какія вещи. Вся обстановка его жизни носила на себѣ печать такой же монастырской простоты. Въ архіерейскомъ домѣ весь третій этажъ, часть втораго и перваго занимали уѣздное духовное училище (до его закрытія) и квартиры служащихъ въ училищѣ. Самъ хозяинъ занималъ пять небольшихъ комнатъ, а единственная большая комната была необитаема и служила складомъ для книгъ и бумагъ. Только въ пріемной была порядочная мебель, впрочемъ, очень полинялая. Обстановка остальныхъ комнатъ была такова, что невольно казалось, что ее собирали съ разныхъ мѣстъ, чтобы что нибудь поставить въ этихъ комнатахъ. Она живо напоминала обстановку и помѣщеніе настоятеля одного изъ нашихъ монастырей, пріютившихся въ захолустьѣ края. А что касается гардероба епископа, то его бѣдный подслѣповатый «придворный» портной долженъ былъ насиловать всѣ свои творческія дарованія, чтобы изощриться, какъ два-три раза переворотить подрясникъ, или рясу, которые уже тогда оставлялись и признавались негодными, когда перешитье ихъ становилось невозможнымъ и для такого художника, какимъ былъ этотъ портной.

И въ молодости, и въ старости, когда болѣзни и немощи дѣлаютъ человѣка болѣе нервнымъ и нетерпѣливымъ, епископъ Игнатій въ своихъ сношеніяхъ и съ чужими, и съ своими былъ крайне сдержанъ, спокоенъ, ровенъ. И взволнованный, дѣлая выговоръ, распекая провинившагося, преосвященный не кричалъ и не бранился. Онъ любилъ долго наставлять, усовѣщевать, поворчать и, какъ говорится, попилить. Одиночество келіи развило въ покойномъ педантизмъ и настойчивую требовательность. Тяжеленько приходилось иногда молодымъ, не привыкшимъ къ строгому порядку, людямъ служить вблизи преосвященнаго. Онъ любилъ по нѣскольку разъ вспомнить провинившемуся его вину; чрезъ годъ, два, намекнуть на прежніе грѣшки, но всегда безъ шуму и крику. Въ немъ всегда видѣлся и слышался не суровый судья, не вла-

дыка, а человѣкъ.... У преосвященнаго довольно долгое время служилъ въ архіерейскомъ домѣ одинъ іеродіаконъ, принявшій монашество по вліянію совѣтовъ епископа. Это былъ человѣкъ жизни незазорной, но любилъ иногда разсѣяться въ кругу знакомыхъ города. Владыка какъ-то особенно слѣдилъ за жизнью своего воспріемнаго сына. И вотъ, однажды, іеродіаконъ шелъ вечеромъ со двора, не замѣчая прогуливающагося епископа. Послѣдній окликнулъ уходящаго, іеродіаконъ прибавилъ шагу. И старикъ поспѣшилъ, оступился и упалъ, сильно ушибивъ колѣно. Весь архіерейскій домъ ужаснулся: случай былъ небывалый. И все кончилось келейною бесѣдою, про которую, впрочемъ, іеродіаконъ не любилъ говорить съ нами.

Двери квартиры епископа были открыты для всѣхъ во всякое время дня. Чрезъ пять-десять минутъ епископъ выходилъ къ пришедшему: былъ ли это сановникъ, или бѣдный проситель, обращеніе епископа было любезно, кротко, въ полномъ смыслѣ отеческое. По своей природѣ онъ былъ человѣкъ простой, всегда естественный, почему въ немъ никогда нельзя было примѣтить напускнаго величія. Съ кроткою улыбкою и ласкою, какъ-то склонивъ немного на грудь голову, епископъ говорилъ тихо. Эта кротость и простота преосвященнаго иногда до того были обаятельны, что онѣ насъ, молодыхъ учителей, очаровывали и приводили въ пріятное смущеніе. Рѣчь его никогда не пересыпалась остротами, не было въ ней желанія блеснуть краснорѣчіемъ, выказать свою авторитетность, превосходство, нравственную силу. Какъ и въ поступкахъ, такъ и въ словѣ, епископъ былъ застѣнчивъ. И чѣмъ продолжительнѣе была бесѣда, тѣмъ какъ-то сглаживалось различіе положенія, замѣчалось, что владыка какъ-то невольно, естественно, по внутреннему складу своей души, нисходилъ до духовнаго равенства съ своимъ собесѣдникомъ. Живя подъ одною кровлею съ нами, преосвященный такъ умѣлъ самъ жить, что онъ никому не мѣшалъ жить, и мы не испытывали тяготы отъ близкаго сосѣдства и ежедневныхъ встрѣчъ съ высокимъ сановникомъ.

Я недолго служилъ въ гродненскомъ духовномъ училищѣ и жилъ подъ одною кровлею съ покойнымъ преосвященнымъ. Судьба передвинула меня въ другую окраину Литовской епархіи для служенія въ санѣ священника. Потому въ моихъ воспоминаніяхъ о брестскомъ епископѣ Игнатіи не можетъ быть много живыхъ фактовъ его административной дѣятельности. Какъ жаль, что люди, близко знавшіе святителя, не написали до сего времени своихъ о немъ воспоминаній. Какъ жаль вообще, что о митрополитѣ Іосифѣ и его сподвижникахъ до настоящаго времени почти не появлялись въ печати разсказы и воспоминанія и духовенства, и свѣтскихъ лицъ, близко знакомыхъ съ судьбами Литовской епархіи въ это знаменательное время. Изъ этихъ сподвижниковъ остаются въ жи-

выхъ только самые немногіе; но и ихъ лебединая пѣсня скоро будетъ спѣта... Жизнь и дѣятельность нреосвященнаго Игнатія, достойнаго и ревностнаго исполнителя воли покойнаго митрополита, всю свою долгую жизнь прослужившаго родной епархіи, не мудрствуя лукаво, всѣми силами его честной души, жизнь и дѣятельность другихъ архипастырей и учителей нашихъ, безмолвно вынесшихъ на плечахъ своихъ всю тяготу событій съ 1831 года, много претерпѣвшихъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ, и духовно-возвратившихъ Россіи цѣлый край, вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы историческая правда освѣтила ихъ подвигъ. А намъ, ихъ ученикамъ, особенно дорога и желанна эта святая правда и серьёзный судъ о нихъ «не за то, чего они не сдѣлали, или не могли сдѣлать, а за то, что дѣйствительно совершено ими на благо Россіи и православной церкви».

Да будетъ покой ихъ честь...

Протоіерей Зосимовичъ.